

История социальной психологии

Филип Джорж Зимбардо

СТЭНФОРДСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ЧТО ЭТО БЫЛО, КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Филип Джорж Зимбардо – известный в кругу социальных психологов и социологов американский ученый, автор ряда исследований, особенно – знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента (который был проведен в августе 1971 года).

В 1996 году им была написана статья для симпозиума Американской психологической ассоциации. В ней автор изложил основное содержание эксперимента и вынесенных из него уроков. Он сопровождал свое выступление слайдами и архивными видеоматериалами, которые позже нашли свое место в фильме «Скрытая ярость: Стэнфордский тюремный эксперимент». Уже в то время Кристина Маслак в своем выступлении продемонстрировала взгляд человека со стороны, наблюдавшего за чудовищными изменениями, происходившими в характере участников эксперимента...

В 2007 году в Нью-Йорке Ф.Дж. Зимбардо, наконец, издал свой основной труд «Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев». Сегодня с английского языка на русский переведено уже третье издание его труда (М., 2016).

В нашем журнале публикуется перевод статьи, сделанный по решению Ученого совета факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета и на основе договора с профессором Ф.Дж. Зимбардо.

Редакция полагает, что исследователям, не безразличным к движению научной мысли, будет интересно сравнить результаты, опубликованные в статье для симпозиума (1996) и в монографии (2007).

Спокойствие одного летнего воскресного утра в Пало-Альто в Калифорнии было внезапно нарушено воем сирен полицейских машин, пронесшихся по городу и совершавших неожиданные массовые аресты студентов колледжа за различные нарушения Уголовного кодекса. На них надевали наручники, обыскивали, зачитывали их права и затем отвозили в отделение полиции для формальной регистрационной процедуры. Давайте вернемся к событиям 14 августа 1971 года, чтобы вспомнить, с чем были связаны эти аресты.

Краткий обзор исследования

Полиция согласилась сотрудничать с нашей исследовательской командой, чтобы начало эксперимента выглядело как внезапное лишение свободы, а не как добровольный приход участников исследования в лабораторию. Мы хотели максимально приблизить происходящее к реальной жизни. Начальник городской полиции был особенно настроен на сотрудничество после волнений в студенческом городке Стэнфорда, связанных с протестом против военных действий во Вьетнаме. Я воспользовался возможностью помочь снятию напряжения между полицией и студентами колледжа и тем самым добился от полицейских столь необходимой нам помощи в драматизации нашего эксперимента с самого его начала.

Мы разместили в местной газете объявление, приглашавшее волонтеров-студентов для участия в исследовании жизни в тюрьме, которое должно было продлиться в течение двух недель за плату 15 долларов в день. Откликнулись студенты со всех Соединенных Штатов, большая часть которых прошла курсы в летних школах Стэнфордского университета или Университета Калифорнии в Беркли. Семидесяти студентам, пришедшим в наш офис, было предложено пройти тестирование (Калифорнийский личностный опросник) и собеседование, которое проводили Крэг Хэйни и Куртис Бэнкс, закончившие к тому времени университет. Нам также помогал Дэвид Джэффи, студент, сыгравший роль главного тюремного надзирателя. Я играл роль начальника тюрьмы и при этом являлся руководителем исследования, что, как выяснилось позже, было серьезной ошибкой.

Мы отобрали в качестве участников нашего эксперимента 24 человека из тех, кого посчитали наиболее нормальными, обычными и здоровыми по всем оцениваемым показателям. Случайным образом они были поделены на две группы – тех, кто должен был играть роль заключенных, и тех, кому досталась роль охранников. Первоначально между участниками не было никаких различий, не было и каких-либо предпочтений при назначении ролей. На самом деле все студенты выразили желание сыграть роль заключенного, так как не могли себе представить, что, закончив колледж, кто-либо из них может стать надзирателем. С другой стороны, они легко могли вообразить, что попадут в тюрьму за нарушение правил вождения автомобиля или какое-нибудь другое гражданское правонарушение и таким образом, пройдя через испытание, которое вполне может иметь место в реальной жизни, сумеют чему-то научиться.

Надзиратели помогли нам создать экспериментальную тюрьму в подвале факультета психологии Стэнфордского университета. Это сооружение представляло собой пустой коридор без окон или другого источника естественного освещения. В двери кабинетов были вставлены железные решетки, а чуланы были переделаны в темные камеры одиночного заключения. «Двор» представлял собой коридор длиной в 30 футов, находившийся перед тремя «тюремными камерами», в которые были превращены небольшие аудитории. В смежном коридоре были отведены три комнаты для сотрудников: одна – для надзирателей, где они могли переодеваться в униформу, вторая – для главного надзирателя и третья – для начальника тюрьмы. В коридоре был оставлен небольшой дополнительный холл, где можно размещать посетителей в часы свиданий. Для входа и выхода существовала только одна дверь, другой конец коридора мы заблокировали, соорудив стену. Небольшое отверстие в этой стене предназначалось для видеокамеры, чтобы производить скрытое наблюдение. В тюремных камерах были установлены подслушивающие устройства для тайной записи разговоров заключенных.

«Надзирателям» предложили выбрать себе униформу в местном военном магазинчике, продающем остатки с армейских складов, затем их собрали всей командой на установочной встрече, где были сформулированы правила поведения для заключенных. Это произошло в субботу, накануне дня арестов. Мы хотели, чтобы охранники почувствовали себя так, будто это была «их тюрьма» и вскоре они будут принимать у себя группу заключенных.

Тем, кому предстояло быть «заключенными», мы велели ждать дома или по тому адресу, который они нам оставили, и сказали, что мы свяжемся с ними в воскресенье. После неожиданного ареста «полицией» их привезли в наше имитирующее тюрьму здание, где подвергли унижительным процедурам, что было частью их посвящения в новую роль. По словам нашего тюремного консультанта Карло Прескотта, который недавно был досрочно освобожден из тюремного заключения, подобные стандартные процедуры проводятся во многих тюрьмах и военных заведениях. Девять заключенных разместили по трем камерам. Группы из трех надзирателей, сменяя друг друга, работали в течение 8-часовой смены, у каждой смены была группа замены. Несколько человек занесли в дополнительный список: они были готовы при необходимости подменить выбывшего участника – одного из «запасных» игроков вызвали в середине недели для замены «освобожденного» заключенного. Униформа заключенных состояла из халатов с пришитыми спереди и сзади номерами, цепей на лодыжках, шапочек из нейлоновых чулок (чтобы имитировать выбритую голову) и резиновых тапочек на ногах, но не было никакого белья. Согласно одному из правил, сформулированных надзирателями, заключенные были обязаны называть себя и обращаться к другим заключенным, используя тюремные номера, а к надзирателям – как «мистер Тюремный Офицер».

Большая часть ежедневных событий снималась на видео, наряду с этим мы использовали: другие виды наблюдения, собеседования, тесты, дневники, ежедневные отчеты, опросы, что все вместе составило эмпири-

ческие данные эксперимента. Конечно, мы изучали поведение как заключенных, так и надзирателей и ни одной из групп не давали каких-либо инструкций о том, как себя вести. Надзирателям было сказано, что они должны поддерживать закон и порядок, использовать свои дубинки только как символическое оружие, а не как настоящее и помнить, что, если заключенные сбегут, исследование придется прекратить.

Важно учесть, что все испытуемые подписали документ, в котором подтверждали, что они были предупреждены и согласились на то, что некоторые из их гражданских прав будут нарушены, если они будут выбраны для роли заключенного, и что в этом случае им будет предоставлено самое простое питание и минимальное медицинское обслуживание. Комитет университета по правам человека одобрил исследование, установив лишь незначительные ограничения, которым мы и последовали. Например, мы должны были предупредить студенческий центр медицинского обслуживания о нашем исследовании, а также запастись огнетушителями, так как место проведения эксперимента было труднодоступным. По злой иронии судьбы позже надзиратели использовали эти огнетушители, выпуская пену на заключенных, чтобы подавить их сопротивление.

Большинству надзирателей потребовался целый день, чтобы адаптироваться к своей новой, незнакомой роли господствующей фигуры, обладающей властью. Первые встречи участников двух групп были отмечены ощущением неловкости. Однако ситуация радикально изменилась на второй день, когда несколько заключенных склонили всех остальных к бунту против принудительных правил и ограничений. Бунтари сорвали пришитые к одежде тюремные номера, пытаясь восстановить этим действием свою индивидуальность, затем заперлись в камерах и стали язвить в адрес надзирателей. Студентам, исполняющим роли надзирателей, было сказано, что они должны справиться с этим неожиданным поворотом событий сами. Они вызвали резервных надзирателей и дежурили всю ночь. Вместе они подавили бунт заключенных и еще больше сплотились друг с другом. Следует отметить, что увеличилась и неприязнь тюремщиков к некоторым из заключенных, которые оскорбляли их прямо в лицо. Заключенные были наказаны по-разному. Их раздевали догола, держали в карцере в течение многих часов, лишали еды, одеял и подушек, заставляли делать отжимания, прыжки и другие бессмысленные действия. Надзиратели также использовали приемы психологического воздействия, для того чтобы разъединить бунтовщиков и подчинить себе. Они организовали «привилегированную камеру», где наименее активные бунтари могли насладиться такими льготами, как хорошая еда или нормальная постель. Такая тактика дала незамедлительный эффект, выразившийся в том, что у заключенных возникли подозрительность и недоверие друг к другу.

Мы могли наблюдать (и это зафиксировано на видео), что с каждым днем в поведении надзирателей повышался уровень агрессивности, подавления, унижения и негуманного отношения к заключенным. Нашим сотрудникам приходилось постоянно напоминать надзирателям о том, что они должны воздерживаться от подобных злоупотреблений. Тем не

менее враждебное отношение надзирателей к заключенным, их деспотизм и раздражительность вскоре стали пагубно сказываться на участниках эксперимента. Через 36 часов после ареста пришлось освободить первого заключенного: его поведение было на грани патологического, о чем свидетельствовали крайние проявления стрессовых реакций: плач, крики, ругань и неразумные действия. Наибольшую степень садизма надзиратели проявляли, заставляя заключенных просыпаться по несколько раз за ночь для «переключек», которые якобы проводились для того, чтобы заключенные могли запомнить свои идентификационные номера, но на самом деле это давало возможность тюремщикам оскорблять беззащитных людей, наказывать их и играть с ними, а точнее, ими самими как игрушками. Лишение сна, в особенности в фазе «быстрого сна», также стало пагубно сказываться на состоянии заключенных. Интересно, что наиболее жестоко с заключенными надзиратели обращались в ночную смену, когда, как они думали, все сотрудники спали и за ними никто не следил.

Первый освобожденный заключенный под номером 8612, один из главных зачинщиков произошедшего ранее мятежа, поразил остальных сокамерников, объявив, что им не позволят покинуть эксперимент, даже если они попросят об этом. Волна потрясения пронеслась по всем камерам и превратила эксперимент, основанный на имитации, в то, что один из заключенных обозначил как «настоящая тюрьма, которая просто контролируется не государством, а психологами». После этого некоторые заключенные решили стать «хорошими», соблюдая все правила и следуя тюремным процедурам с покорностью зомби. Под давлением вынужденного подчинения общим нормам были нивелированы индивидуальные особенности каждого. Другой распространенный вид реакции состоял в том, что, подражая заключенному 8612, многие притворялись «безумными», чтобы освободиться досрочно. В каждый из последующих трех дней один из заключенных выбирал этот путь, чтобы покинуть Стэнфордский тюремный эксперимент (СТЭ). Пятый заключенный был освобожден после того, как на всем его теле появилась сыпь, что было следствием отклонения его просьбы о досрочном освобождении. Комиссия, занимавшаяся данными вопросами, выслушала доводы заключенного в пользу его досрочного освобождения, но они были опровергнуты надзирателями. Комиссия состояла из секретарей, выпускников университета, а возглавлял ее наш консультант по тюремным правилам, который был хорошо знаком с подобного рода слушаниями, так как его собственные просьбы о досрочном освобождении отклонялись минимум 16 раз.

Хотя большую часть времени главными действующими лицами исследования были надзиратели и заключенные, нужно отметить, что не менее 100 других людей посетили нашу «тюрьму», желая сыграть свою роль в этой драме. В вечер посещения повидаться с заключенными пришло более 20 родителей и друзей. Нашу «тюрьму» посетил и бывший тюремный капеллан. Он побеседовал со всеми ее обитателями, за исключением одного, и заявил, что реакция каждого из них была очень похожа на реакцию преступников, которые отсиживали свой первый срок и кото-

рых он наблюдал в настоящих тюрьмах. В комиссию по досрочному освобождению входило 10 человек со стороны. Примерно около 20 выпускников и преподавателей факультета психологии наблюдали эксперимент через обзорное окно, на видеомониторе или принимали более активное участие. Другие помогали проводить собеседования и занимались различной хозяйственной работой во время эксперимента. Наконец, в последний день в тюрьму прибыл общественный защитник для беседы с оставшимися ее обитателями. Он пришел по просьбе мамы одного из заключенных, с которой поговорил католический священник (посетивший нашу тюрьму ранее), и сообщил о том, что ее сын просит юридической консультации, чтобы помочь ему выбраться из здания, где его держат под арестом. Адвокат также нашел сходство в психическом состоянии и поведении наших испытуемых и настоящих заключенных.

Нам пришлось прекратить эксперимент и закрыть тюрьму через шесть дней вместо запланированного двухнедельного исследования психологической динамики тюремной жизни. Мы вынуждены были это сделать потому, что слишком много ребят проявили патологическое поведение, свойственное беспомощным заключенным, с одной стороны, и обладающим всецелой властью надзирателям-садистам – с другой. Напоминаю, что мы потратили много времени и усилий, чтобы отобрать для участия в исследовании наиболее нормальных, здоровых, уравновешенных студентов. В самом начале эксперимента не было никаких различий между теми, кто случайным образом был выбран на роль надзирателя, и теми, кто стал заключенным. Менее чем через неделю между ними не осталось никакого сходства – они стали абсолютно разными существами.

Поведение надзирателей варьировалось от полностью садистского до проявления жестокости от случая к случаю, от грубого, жесткого надзирателя, строго следящего за порядком, до «добротного надзирателя», допускавшего послабления. Но «добрых» было лишь несколько. Они не унижали и не оскорбляли заключенных и даже время от времени делали им небольшие поблажки, но ни один из этих так называемых «добрых тюремщиков» ни разу не выразил протеста против каких-либо приказов надзирателей-садистов, не вмешался, чтобы остановить или предотвратить неподобающее поведение другого надзирателя, также никто из них ни разу не опоздал на работу и не ушел раньше времени. На самом деле в основном именно благодаря «добрым надзирателям» удавалось поддерживать дисциплину среди заключенных, потому что заключенные пытались добиться их одобрения и боялись, что всё будет намного хуже, если эти «добрые надзиратели» уйдут или перестанут им симпатизировать.

В продолжение краткого обзора этого очень глубокого и сложного исследования я хотел бы далее описать в общих чертах, почему было проведено исследование именно в таком виде и какие уроки мы извлекли из него.

Но перед этим, предвосхищая следующую часть этой главы, хочу заметить, что непосредственный импульс к завершению данного исследования поступил из неожиданного источника – от молодой женщины, недавно закончившей аспирантуру на нашем факультете и согласившей-

ся помочь нам в проведении ряда собеседований в пятницу. Она со стороны увидела всё неприкрытое безумие того, что происходило и к чему мы привыкали постепенно, день за днем. Глубоко расстроенная, рассерженная и смущенная, она заставила нас обратить внимание на то сумасшествие, которое мы создали и которое ей пришлось наблюдать. Прежде чем позволить этому безумию продолжаться дальше, следовало бы вспомнить об этической стороне и нашей ответственности за здоровье молодых людей, вверенных нашим заботам, и за возможные негативные последствия.

Генезис эксперимента: зачем мы проводили это исследование?

Это исследование проводилось по трем причинам, две из них – концептуальные, и одна – педагогическая. Ранее в течение нескольких лет я проводил исследования деиндивидуализации, вандализма и дегуманизации, проиллюстрировавшие, насколько легко можно склонить обычных людей к совершению антисоциальных поступков, поместив их в ситуации, в которых они чувствовали бы свою анонимность или могли бы воспринимать других людей как недочеловеков, как врагов или как некие объекты. Это исследование резюмировано в Zimbardo (1970). Меня вместе с научными ассистентами Крэггом Хейни и Куртом Банксом заинтересовало, что произошло бы, если бы мы соединили все эти процессы, заставив одних участников пережить состояние деиндивидуализации, а других – состояние дегуманизации в атмосфере анонимности, которая стала бы «всеобщей атмосферой» (Lifton, 1969) в рамках контролируемого эксперимента. В этом заключалась первичная причина проведения этого исследования.

Вторая концептуальная причина, связанная с предыдущей, заключалась в том, чтобы определить степень влияния социальных ситуаций на индивидуальные установки без использования жесткого принуждения к подчинению авторитету, который был центральным в исследовании Стэнли Милгрэма (Milgram, 1992). Во многих ситуациях в реальной жизни люди оказываются способными на дурное поведение и без принуждения и контроля со стороны авторитетной фигуры, требующей от них уступки или подчинения. В СТЭ мы сосредоточились на определении силы влияния ролей, правил, символов, групповой идентичности и ситуативного проявления стилей поведения. Такой аспект исследования проблемы возник под влиянием ранее представленных докладов о «промывании мозгов» и «контроле среды», вышедших как результат подведения итогов Корейской войны и китайских коммунистических методов идеологии (Schein, 1956).

С педагогической точки зрения корни этого исследования можно найти в курсе социальной психологии, который я преподавал предыдущей весной после студенческих забастовок против военных действий во Вьетнаме. Я предложил студентам поменяться ролями и обучить меня по десяти темам, которые мне были интересны, но на которые у меня не хватало времени. Список тем включал насущные вопросы, лежавшие на поверхности исследований в области социологии и психологии, например последствия пребывания в доме престарелых, искажение информации в СМИ и психология тюремного заключения. Группа студентов под руководством Дэвида Джэффи, выбравших тему тюрьмы, перед презентацией

своего урока в течение выходных провела несколько практических занятий с использованием имитации тюремного заключения. То, что этот маленький эксперимент произвел на многих из них чрезвычайно сильное впечатление, удивило меня и заставило задуматься, действительно ли подобная ситуация может вызвать настолько тяжелое состояние и отождествление с ролью или это можно объяснить тем, что студенты, выбравшие из множества возможных тем для занятий тему тюрьмы, были в какой-то степени более «патологичны», чем другие студенты. Единственным способом выяснить это было проведение контролируемого эксперимента с устранением фактора «самоизбрания». Так мы и поступили.

Уроки, вынесенные из СТЭ

Урок 1. Существуют ситуации, которые могут оказывать сильнейшее воздействие на людей, заставляя их вести себя непредсказуемо для самих себя (Ross & Nisbett, 1991). Пытаясь понять причины сложного, непонятного поведения, лучше всего начать с ситуационного анализа и приступать к диспозиционному анализу только тогда, когда ситуационный не дал нужных результатов.

Урок 2. Сила влияния ситуации наиболее ярко проявляется в непривычной обстановке, когда участники не могут придерживаться прежних схем поведения и не имеют опыта в прошлом, на который можно было бы опереться. В такой ситуации их привычные виды поведения и преодоления трудностей не получают подкрепления. В подобных обстоятельствах исследование с помощью личностных методик не может многого предсказать, потому что в них оценка будущих действий основана на характерных реакциях в определенных ситуациях в прошлом и – редко – на ситуациях текущего времени. Личностные тесты просто не дают оценку подобному поведению, они полагаются на информацию о типичных реакциях в известных ситуациях, то есть на самооценку в контексте своего развития.

Урок 3. Сила влияния ситуации сопряжена с неопределенностью ролевых границ, авторитарным или официально установленным разрешением вести себя в заданном русле или снятием запрета с тех способов реакции, которые традиционно не получают одобрения. Это требует действий, на которые обычно наложено ограничение законом, моралью и этикой. Подобная легализация скрывается под покровом идеологии, систем, которые считаются священными и основанными на безусловно хороших, добродетельных, морально ценностных императивах (у социальных психологов функцию идеологии исполняет их «легенда»).

Урок 4. Разыгрывание ролей, даже если известно о том, что это искусственное, временное и обусловленное ситуацией действие, тем не менее, может оказывать сильное влияние на актеров. Личные отношения, ценности, убеждения с большой вероятностью будут изменены для приспособления к разыгрыванию роли, как это показано во многих экспериментах по теории когнитивного диссонанса (Feistinger, 1957; Zimbardo & Leippe, 1991). Данный эффект диссонанса усиливается по мере ослабления факторов, оправдывающих участие в ролевой игре, например, когда задание выполняется за меньшую плату, под меньшей угрозой или при наличии

минимально достаточного оправдания или адекватного обоснования. Именно такой мотивационный механизм, вызывающий изменения личности, мы наблюдали у наших надзирателей. Им приходилось отрабатывать длинные, тяжелые смены за небольшую плату в 2 доллара за час, им дали лишь минимальные инструкции относительно того, как играть роль надзирателя, но при этом они, одетые в униформу, исполняли эту роль в течение нескольких дней, в любое время суток, во дворе или в присутствии других людей, будь то заключенные, родители или другие посетители. Вероятнее всего, именно подобные проявления диссонанса и стали главной причиной того, что ролевое поведение во внешних условиях (на публике) стало внутренним стилем когнитивных и аффективных реакций. Также важно отметить, что групповое давление со стороны других надзирателей стало одной из главных причин необходимости быть «игроком команды», следовать общим правилам или как минимум не препятствовать постепенно установившейся групповой норме – всячески унижать заключенных. Наконец, нужно учесть тот факт, что изначальный сценарий, по которому надзиратели или заключенные играли свою роль, исходил из их собственного жизненного опыта, связанного с проявлением силы и подчинением авторитету, с наблюдением за отношениями родителей, с просмотром фильмов или чтением книг о тюремной жизни. Так же как и в исследовании Милгрэма с подчинением авторитету, нам не нужно было подсказывать актерам, как им играть свою роль. Нам нужно было лишь фиксировать уровень импровизации внутри этих ролей в качестве данных нашего эксперимента.

Урок 5. Хороших людей можно заставить, соблазнить, склонить к плохому (иррациональному, глупому, саморазрушающему, антисоциальному) поведению, погрузив их в «тотальные ситуации», которые могут произвести такие трансформации человеческой природы, что наше мнение о стабильности и постоянстве личности, характера и моральных устоев человека может быть поставлено под вопрос (Lifton, 1969). Подобные выводы напрашиваются при воспоминании о нацистских концентрационных лагерях, разрушительных сектах, таких как Народный храм Джима Джонса или более близкая к нашему времени японская секта Аум Синрикё, также о зверствах, совершенных в Боснии, Косово, Руанде и Бурунди. Следовательно, любой поступок, когда-либо совершенный каким-либо человеком, каким бы ужасным он ни был, может быть совершен любым из нас под тем или иным давлением ситуации. Данное утверждение не оправдывает зло, оно скорее не демонизирует, а «демократизирует» его, то есть показывает, что зло может исходить от разных людей, в том числе и от «хороших».

Недавно в Американской авиационной военной академии (кодовое название SERE) пришлось преждевременно закрыть программу, разработанную для обучения кадетов выживанию в плену врага и побегу из плена, в связи с тем что она вышла из-под контроля. В рамках «ситуации сексуальной эксплуатации» кадетов-девушек периодически били, унижали, оскорбляли, помещали в карцер, лишали сна и заставляли надевать на головы мешки. Очень похоже на СТЭ. Вдобавок в рамках данного курса девушки-кадеты подвергались разыгранному «изнасилованию»

следователями, которые для достаточной реалистичности хотели вызвать посттравматическое стрессовое расстройство. Эти «изнасилования» были сняты на видео и демонстрировались другим кадетам, и никто из них ни разу не выразил протеста. Дед одной из пострадавших девушек-кадеток, герой Второй мировой войны, сказал: «Я не могу поверить, что все эти мужчины, эти элитные мальчишки могли стоять рядом и наблюдать, как молодая женщина подвергалась такому унижению, и всех у них кишка оказалась тонка, чтобы прекратить это безобразие» (Palmer, 1995, p. 24). После наблюдения за нашими «хорошими надзирателями», которые точно так же бездействовали, будучи свидетелями издевательств в СТЭ, я могу понять, как это происходит.

Урок 6. Человеческая природа может трансформироваться под влиянием определенного социального окружения столь же кардинально, как и в захватывающей истории доктора Джекилла и мистера Хайда. Я думаю, именно эта *трансформация характера* объясняет интерес к нашему эксперименту, который не уменьшается вот уже более четверти века. В недавнем анализе СТЭ, проведенном одним австралийским психологом (Carr, 1995), говорится, что у студентов-австралийцев при изучении СТЭ возникает чувство удивления, беспокойства и непонимания. Он отмечает: «Судя по реакции наших студентов, это исследование вызвало у них более глубокое впечатление, чем исследование Аша «линия – длина» (Asch, 1951) или исследование Милгрэма с подчинением авторитету (1963). Вероятно, больше всего студентов поразило то, что сама ситуация в эксперименте Зимбардо оказала на испытуемых намного большее воздействие, были извращены их собственные личностные убеждения и чувства, причем все эти изменения произошли без оказания непосредственного давления, что обычно свойственно классическим исследованиям подчинения и послушания» (Carr, 1995, p. 31).

Урок 7. Несмотря на искусственность контролируемого экспериментального исследования, такого как СТЭ, или любого из множества вариантов исследования подчинения власти Милгрэма, когда задействуются лишь основные черты «обыденной жизни», их результат все равно имеет значительную обобщающую силу. В последнее время подобные исследования все чаще стали критиковать за то, что эксперименты ограничены условиями, специфичными только для определенного контекста, они не охватывают жизненно важных аспектов той сферы из реальной жизни, которую имитируют, или за то, что испытуемые на самом деле не воспринимают происходящее всерьез. Если бы дело обстояло таким образом, то вряд ли кто-либо стал прилагать такие огромные усилия для качественного проведения эксперимента. Мы полагаем, что в большинстве случаев эта критика ошибочна, она исходит от тех коллег, которые не знают, как проводить подобные исследования или как их обработать и интерпретировать, или от тех, кто не осознаёт всю важность психологически *функционального* эквивалента процессов и явлений реального мира. Нужно понимать обобщающую природу таких экспериментов.

Я бы хотел обратить ваше внимание на два исследования, параллельных СТЭ, один недавний и второй более ранний. 22 июля 1995 года заго-

ловки новостей гласили: «Охранники иммиграционного центра издевались над иммигрантами» (Dunn, 1995, p. A6). В статье, перепечатанной *San Francisco Chronicle* из *New York Times*, был опубликован отчет о расследовании в центре заключения в Нью-Джерси, где содержались иммигранты, ожидающие депортации. В статье в общих чертах была описана «жестокая культура обращения, которая быстро распространялась в этом центре», где «малооплачиваемые и плохо обученные охранники избивали задержанных, причем наибольшие издевательства происходили в ночную смену». Следователи выяснили, что «охранники регулярно совершали действия с целью унижить и извести заключенных, например запирали задержанных в одиночестве или периодически будили их посреди ночи». Это стало возможным частично из-за того, что «центр заключения был закрытым частным заведением». В подобном случае как в зеркале отразилось то, что происходило в СТЭ: самые жестокие издевательства совершались надзирателями в ночную смену, когда они думали, что за ними не наблюдают; надсмотрщики унижали, изводили и будили заключенных каждую ночь, а временами били их и запирали в одиночке; наши «охранники» также были плохо обучены, и им мало платили.

Историк Кристофер Браунинг является автором жуткой истории (Browning, 1992) о малоизвестных массовых убийствах во время Холокоста. Группа пожилых резервистов из полиции Гамбурга была направлена в Польшу, чтобы казнить на месте всех евреев, проживавших в сельской местности, так как перевозить их в концентрационные лагеря для уничтожения было слишком дорого и неудобно. В своей книге с весьма подходящим названием «Обычные люди» Браунинг описывает то, как обычных законопослушных немцев вынуждали совершать эти зверства: лично расстреливать еврейских мужчин, женщин и детей, причем убийства совершались без использования технологии газовых камер, которые создают дистанцию между преступлением и тем, кто его совершает. Далее автор отмечает: «Различия в поведении надзирателей в эксперименте Зимбардо имеют поразительное сходство с разделением на группировки, которые возникли в резервном полицейском батальоне 101» (p. 168). Он показал, как одни стали садистами – «жестокими и беспощадными», получавшими наслаждение от убийств, в то время как другие были «жесткими, но справедливыми» в «исполнении своей роли», и лишь немногие оказались «хорошими солдатами», отказывающимися убивать и делающими послабления для евреев.

Таким образом, мы солидарны с Куртом Левином, который несколько десятилетий назад встал на защиту такой отрасли науки, как экспериментальная социальная психология. Левин утверждал необходимость переноса концептуально и практически значимых аспектов реальной жизни в экспериментальную лабораторию для установления причинно-следственных связей, что невозможно при полевом исследовании, чтобы затем использовать полученную информацию для осмысления ее и внесения изменений в реальную жизнь (Lewin, 1951; Lewin, Lippit, & White, 1939). Специалист по психолингвистике Джордж Миллер (Miller, 1969) в своем выступлении в качестве президента на заседании Американской

психологической ассоциации поразил аудиторию, заявив, что он является сторонником радикальной в те времена идеи о том, что мы должны «выпустить психологию в народ». Позже в интервью журналу «Психология сегодня» (Miller, 1980) он привел в качестве примеров, идеально подходящих для общества психологических исследований, Стэнфордский тюремный эксперимент и исследование подчинения Милгрэма.

С другой стороны, СТЭ не дает какой-либо новой информации о пороках тюремной жизни, которая не была бы выявлена из исследований социологов и рассказов самих заключенных. Разница в том, что, воспользовавшись преимуществами эксперимента, данные которого можно было фиксировать, мы отобрали хороших людей случайным образом, дали им роли надзирателей или заключенных и провели наблюдение за тем, как они менялись к худшему, пребывая день за днем в порочном месте.

Урок 8. Процедуру отбора для выполнения особых заданий, например функции тюремного надзирателя (особенно если эта деятельность является относительно новой для претендентов), можно усовершенствовать путем вовлечения участников в имитирующее разыгрывание роли, и это лучше, чем отбор претендентов на основе личностного тестирования, или это может использоваться в качестве дополнения к последнему.

Урок 9. Психологам-исследователям, которые заботятся о возможности практического применения своих открытий, необходимо преодолеть академическую ограниченность, чтобы способствовать изменениям в обществе. Мы обязаны признать невероятную ценность и важность тех исследований, которые заставляют ученых вырваться из рамок объективного нейтралитета и стать активными борцами за то, чтобы их слова дошли до общества, до тех людей, которые могли бы привести в исполнение их рекомендации через практические действия. Мы с Крэггом Хэйни разными способами старались довести до сведения общественности результаты нашего эксперимента: посредством статей, выступлений перед публикой, используя все новейшие технологии массмедиа, выходя за рамки круга ученых, читающих психологические журналы.

Для начинающих мы опубликовали работы о СТЭ, с которыми могли ознакомиться читатели в США в статьях в *New York Times Magazine* (Zimbardo, Haney, Banks, & Jaffe, 1973) и в журнале *Society* (Zimbardo, 1972), а также для международной аудитории (Haney, Banks & Zimbardo, 1973; Zimbardo & Haney, 1978); мы осветили педагогический аспект проблемы в статье для журнала *Psychology Today* (Haney & Zimbardo, 1975) и в «Педагогическом журнале» (Haney & Zimbardo, 1973) и описали психологические особенности изменений личности в тюрьме (Haney, 1993b).

Я также подробно изложил новые требования, выдвигаемые СТЭ, к защите социальных процессов, которые должны быть рассмотрены психологами (Zimbardo, 1975). В нашей статье в журнале *American Psychologist* мы описали, как уроки, вынесенные из СТЭ, могли бы способствовать решению серьезных проблем вышедшей из-под контроля американской исправительной системы (Haney & Zimbardo, 1998). Наше участие в национальных теле- и радиошоу, таких как *Шоу Фила Донахью (Phil Donahue Show)* и «*Это невероятно (That's Incredible)*», в которых мы обсуждали

СТЭ, также увеличило аудиторию, ознакомившуюся с этим исследованием. В каждом случае мы привлекали к выступлениям тех или иных участников нашего тюремного эксперимента. До школьников и студентов, а также до разных категорий граждан мы доносили наше послание через беседы и распространение наборов слайдов и кассет (Zimbardo & White, 1972; также доступно в Интернете на сайте: <http://prisonexp.org>) и наталикивающего на размышление видеофильма «Скрытая ярость» (*Quiet Rage*), а также серии фильмов PBS *Discovering Psychology* (1989; Фильм № 19 «Сила влияния ситуации»). Наконец, меня приглашали для выступления с рассказом о том, какие особенности тюрьмы раскрываются в СТЭ, в юридические подкомитеты Конгресса США («Власть и патология» – *The Power and the Pathology*, 1970; «Заключение и содержание в тюрьме» – *The Detention and Jailing*, 1973).

Урок 10. Тюрьмы – это место, где попираются принципы гуманности, разрушается благородство человеческой природы и подвергаются деградации социальные отношения среди людей. Они пагубно сказываются как на надзирателях, так и на заключенных, оказывая деструктивное воздействие на самооценку, чувство справедливости и человеческое сострадание. Они созданы с целью изоляции человека от других людей и даже от самого себя. Нет ничего хуже для здоровья личности или общества, чем миллионы людей, лишенных социальной поддержки, социальной значимости или социальных связей со своей семьей. Тюрьмы – это провалившийся социально-политический эксперимент, они продолжают оставаться местом, где царствует зло, и все еще умножаются, как злодеяния колдуньи, потому что общество равнодушно к тому, что происходит там, за тюремной оградой, и потому что политики используют тюрьмы, стараясь заполнить их до предела, чтобы продемонстрировать, что они «более бескомпромиссны» к преступности, чем их политические оппоненты. В настоящее время в Калифорнии и нескольких других штатах вышел закон «о трех ударах». С целью сокращения уровня преступности рамки этого закона были настолько расширены, что в список «серьезных правонарушений» были включены преступления, связанные с наркотиками. В результате тюрьмы оказались заполнены несоразмерным количеством молодых, не совершавших насилия нарконарушителей на срок от 25 лет минимум до пожизненного заключения. Содержание одного заключенного в тюрьме, включая медицинскую помощь, в течение 25 лет обойдется налогоплательщикам примерно в один миллион долларов, и эта цифра может быть еще больше, если речь идет о пожилых заключенных (Zimbardo, 1994). Расходы на строительство тюрем, а также наем большего количества надзирателей для увеличившегося числа заключенных, которые начинают пополнять новые тюрьмы, поглощают и без того ограниченные средства государства и регионов, которые могли бы быть использованы для финансирования медицины, образования и благосостояния людей. Система «уродливых» ценностей пронизывает многие исправительные процессы: сокращаются программы профессиональной подготовки, реабилитации, физического развития заключенных, лишая их индивидуальности. Все эти мрачные

прогнозы начнут осуществляться в будущей исправительной системе США, если уже не начали проявляться.

Я был готов закончить мой неудавшийся тюремный эксперимент, но граждане страны платят и продолжают платить огромную цену, выражающуюся в налогах, за проведение неудачных экспериментов в показавшей свою несостоятельность тюремной системе США. Эта система потерпела неудачу по всем фронтам: эскалация тюремного насилия, незаконных действий, практикующихся в тюрьмах, рецидивизма, вторичного нарушения закона, при котором во второй раз зачастую совершались более серьезные преступления, чем в первый, низкого морального уровня сотрудников исправительных учреждений и чудовищных тюремных бунтов. Один из ужасающих примеров насилия, которое может породить тюремная обстановка, можно найти в недавних отчетах надзирателей, «инсценировавших драку между заключенными и затем открывших огонь по дерущимся», 50 человек было расстреляно, а семь убито в течение последующих 8 лет (Holding, 1996). Эти данные были подтверждены федеральным расследованием (*Los Angeles Times*, 1998). Очевидно, что иногда нам необходимо иметь защиту не от кого-нибудь, а от самих охранников, как мы видели это в СТЭ.

Этический аспект СТЭ

Был ли СТЭ экспериментом, противоречащим этическим принципам? И нет и да. «Нет» потому, что он соответствовал указаниям Комитета Университета по правам человека, который после рассмотрения одобрил его проведение (Zimbardo, 1973). Здесь не было никакого обмана. Мы заранее поставили всех участников в известность о том, что, если они станут заключенными, многие из их обычных прав будут нарушены, им будет обеспечено минимально достаточное питание и медицинское обслуживание во время исследования. На защиту прав испытуемых обязан был встать кто-либо из множества посетителей искусственной тюрьмы, видевших ужасные условия, в которых содержались эти молодые люди; тем не менее никто не сделал ничего, чтобы как-то вмешаться. В часы свиданий к «заключенным» приходили их родители и друзья, католический священник, общественный защитник, множество профессиональных психологов, выпускников, секретарей и сотрудников факультета психологии. Каждый из них мог наблюдать на видео отснятые эпизоды эксперимента без какой-либо цензуры, принимать участие в слушаниях Комиссии по досрочному освобождению или беседовать с участниками один на один. Мы могли бы добавить еще одно «нет»: мы закончили исследование раньше, чем планировали, закончили его вопреки желаниям надзирателей, которые считали, что они наконец взяли ситуацию под свой контроль и что проблем с заключенными больше не будет.

«Да» потому, что это было неэтично, так как одни люди страдали, а другим было позволено причинять боль и унижать беззащитных на протяжении длительного периода времени. И это не было тем душевным страданием, которое испытывали участники в эксперименте Милгрэма, представляя ту боль, которую причиняли их электроразряды ученику-

жертве, находящемуся на расстоянии. Это было страдание от вида мучений, которые испытуемые-надзиратели причиняли своим товарищам, ничем не заслужившим подобного наказания и унижения. И все же «да», потому что мы закончили исследования позже, чем это надо было сделать. Нам следовало завершить его, как только первый заключенный оказался в состоянии глубочайшего стресса на второй день эксперимента. Одна из причин несвоевременного прекращения эксперимента заключалась в моем внутреннем конфликте, возникшем в результате двойственной роли – роли главного исследователя, а значит, человека, стоявшего на страже этической стороны эксперимента, и начальника тюрьмы, а значит, человека, желавшего сохранить целостность моей тюрьмы.

Положительные результаты

1. Для общественного сознания наш эксперимент стал моделью, демонстрирующей «силу влияния ситуации», которая описывается во многих учебниках. Вместе с исследованием подчинения авторитету Милгрэма СТЭ заставил людей пересмотреть свою точку зрения на то, что поведение главным образом находится под влиянием личностных особенностей человека, точку зрения, которую отстаивали множество специалистов в области психологии, психиатрии, религии и юриспруденции.

2. Результаты исследования, представленные мною в докладе перед Юридическим комитетом Конгресса США, заставили федеральных законодателей внести изменения в закон, согласно которым юношей, находящихся в следственной тюрьме (что имело место в нашем эксперименте), запрещено помещать в одну камеру с более взрослыми заключенными в связи с возможностью совершения насилия по отношению к ним. Об этом было сказано в докладе конгрессмена Берта Бэя.

3. С исследованием было ознакомлено огромное число представителей гражданских, судебных, военных и правоохранительных органов, для того чтобы предоставить информацию и вызвать более глубокий интерес и озабоченность проблемами тюремной жизни. Исследование также оказало влияние на подготовку надзирателей в некоторых учреждениях (Newton & Zimbardo, 1975; Pogash, 1976). Для того чтобы продемонстрировать медперсоналу психиатрических клиник, как их пациенты реагируют на различные проявления ситуации, в которой на них оказывается давление со стороны сотрудников и работников учреждения, использовался метод ролевой игры (Orlando, 1973). Результаты исследования в общих чертах были адаптированы в другой культуре, Нью-Саус Уэльс, Австралия (Lovibond, Mithiran & Adams, 1979).

4. Идеи из СТЭ стали источником трех направлений исследования, разрабатываемых мною в течение последних 20 или более лет. Наиболее значимо исследование психологии застенчивости и способов ее преодоления, которое я проводил сначала в единственной в мире Клинике застенчивости, открытой мной в Стэнфорде, а теперь и для всего местного сообщества. Цель этого исследования – высвободить застенчивых людей из навязанных самими себе скрытых тюрем (Zimbardo, 1977, 1986; Zimbardo, Pilkonis & Norwood, 1975).

Второй лонгитюдной программой исследования, на которую оказал влияние мой личный опыт в СТЭ, является изучение временной перспективы: влияние жизненного опыта на формирование в сознании человека промежутков времени и зависимости от чрезмерной приверженности к временной рамке прошлого, настоящего или будущего (Gorzalez & Zimbardo, 1985; Zimbardo & Boyd, в прессе). Искажение времени было обычным явлением в СТЭ: 80% разговоров среди наших заключенных сосредоточивались на непосредственном настоящем и очень мало – на прошлом и будущем. Также очевидным явилось то, что многие здоровые нормальные молодые ребята за короткий период времени начинали вести себя патологически. Поэтому я начал изучение в контролируемых лабораторных экспериментах социальных и когнитивных предпосылок возникновения «сумасшествия» у нормальных здоровых людей (Zimbardo, Anderson & Kabat 1981; Zimbardo, LaBerge & Butler, 1993). Мы обнаружили, что у трети нормальных испытуемых могут развиваться патологические симптомы в случае, когда они пытались придать смысл непонятному источнику возбуждения.

5. СТЭ дал толчок к личным достижениям его участников, что является для меня предметом особой гордости.

Карло Прескотт, наш тюремный консультант, продолжает оставаться добропорядочным гражданином, находясь на свободе последние 27 лет, и это после того, как он провел 17 лет в заключении и был освобожден за несколько месяцев до участия в СТЭ. Благодаря своей роли в СТЭ, Карло получил работу: в течение нескольких лет у него была своя программа на радио, он вел курсы по тюремной жизни в университете, читал публичные лекции, достиг нового статуса и повысил свою самооценку. Мы поддерживаем с ним близкие дружеские отношения в течение многих лет знакомства.

Дуг Корпи, заключенный 8612, главный зачинщик тюремного мятежа, стал первым заключенным, попавшим в глубокое стрессовое состояние, что заставило нас освободить его через 36 часов. Дуг был настолько поражен своим эмоциональным срывом, что решил защитить диссертацию по клинической психологии отчасти для того, чтобы понять, как можно научиться контролировать свои эмоции и поведение. Его диссертация была посвящена исследованию чувства стыда и позора (свойственного статусу заключенного) и чувства вины (свойственного статусу надзирателя). Дуг прошел практику в тюрьме Сан-Квентина и работал в качестве судебного психолога в исправительных учреждениях. Именно его не оставляющие никого равнодушным слова послужили названием для видеофильма «Скрытая ярость», где он рассказывал об импульсе садизма у надзирателей, который нужно предотвращать, так как он всегда потенциально присутствует в подобных ситуациях, где есть наличие власти, и готов вырваться наружу, взорваться как «скрытая ярость». Случай с Дугом Корпи демонстрирует то, как изначально явно негативный эффект подчинения власти в СТЭ трансформировался впоследствии в устойчивый и положительный результат для личности и общества.

Крэг Хэйни продолжил свое образование в Стэнфорде, закончил юридический факультет и защитил диссертацию на факультете психологии.

Сейчас он работает в Университете Калифорнии, в Санта-Круз, где ведет курсы по психологии и праву, а также по психологии социальных институтов. Крэг Хэйни является одним из ведущих в стране консультантов по вопросам тюремной жизни и одним из членов узкого круга психологических экспертов, работающих с адвокатами, представляющими интересы заключенных в суде США. В своей статье в данном сборнике Крэг кратко представит свой взгляд на то, как уроки СТЭ могут повлиять на исправительную систему.

Кристина Маслак, преподаватель психологии в Университете Беркли, Калифорния, автор следующей статьи в данном сборнике, используя свой опыт в СТЭ, первой занялась исследованием проблемы «профессионального выгорания» среди медицинских работников. Ее работа помогает выявлять сотрудников, склонных к постепенному снижению сочувствия и заботы о здоровье пациентов, она также дает рекомендации об изменениях в работе учреждений, способствующих выгоранию, в качестве альтернативы традиционному подходу, главный смысл которого заключается в замене «неэффективных» работников. Она также изучала обратную сторону процесса деиндивидуализации, сосредоточивая свое внимание на положительных аспектах индивидуализации, то есть того, что заставляет людей почувствовать свою особенность и уникальность.

Наконец, я закончу, упомянув об еще одном достижении, которое привнесло необычное воздействие СТЭ, – о вкладе в массовую культуру. «Стэнфордский тюремный эксперимент» – это также название одной рок-группы из Лос-Анджелеса, чья очень громкая музыка представляет «смесь стиля панк и шума», как выразился их лидер, который услышал о СТЭ, будучи студентом Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Прослушав их музыку и «оторвавшись» с этой группой на недавнем концерте в известном зале Филмор в Сан-Франциско, я могу отметить их невероятную энергию и деструктивную ударную тенденцию.

В заключение у меня есть основание отметить, что в этом маленьком эксперименте есть некоторая не теряющая своей силы ценность не только для социальных психологов, но и для простых людей. Сейчас я полагаю, что нечто особенное заключается в той значительной трансформации человеческой природы, которой способствовало не зелье доктора Джекилла – Хайда, а сила влияния ситуации. Таким образом, я завершаю свою часть описания Стэнфордского тюремного эксперимента, выражая мое удовлетворение по поводу того, что мы с коллегами смогли сделать психологию доступной для общественного сознания и сделать это в информативной, интересной и увлекательной форме, что позволяет всем нам лучше понять некоторые основополагающие, хотя и неприятные, аспекты человеческой природы.
